

*что один козацкий полковник, взявший в плен шляхетного предводителя такой шайки, обращался с ним презрительно и говорил: "Вы, ляхи, были когда-то нашими господами, а мы вашими хлопами. Но тогда вы были храбры, а теперь у вас храбрости стало столько, сколько у старой бабы, и вы достойны того, чтобы мы, бывшие ваши хлопы, ругались над вами, потому что вы не умеете защищать себя. Если вы не исправитесь, то мы вас всех за уши возьмем и кожу с вас сдерем".*

Такое поведение казаков не могло не вызывать жалоб поляков, сторонников короля Августа, русскому царю. Кроме этого, казаки не проявляли особого желания участвовать в военных операциях и при удобном случае массово дезертировали, например, около пяти тысяч человек бежало от Войнаровского. Недовольный царь писал Мазепе о том, что казацкие полки необходимо переформировать в компанейские, имеющие твердое жалование, иначе, грабежи и дезертирство будут продолжаться. Вскоре после этого последовало подтверждение того страшного для Мазепы указа о преобразовании всех казацких полков в компанейские. Царь, видимо, желая подсластить горькую пилюлю, лично ходатайствовал перед австрийским императором Иосифом I о присвоении гетману титула князя Священной Римской империи. 1 сентября 1707 года Иван Степанович Мазепа получил этот титул, но именно в эти дни, по свидетельству Филиппа Орлика, переписка с княгиней Дольской приобрела новый смысл и направленность.

Важная дата в "мазепиаде" – 16 сентября 1707 года, когда гетман получил очередное письмо от Дольской, в котором кроме письма княгини было еще одно послание, на этот раз от самого короля Станислава Лещинского. Эта знаменитая сцена описана всеми историками и писателями приблизительно одними и теми же словами, поскольку все пользовались единственным источником, письмом Филиппа Орлика митрополиту Яворскому. В тот вечер, детали которого до конца жизни отчетливо врезались в память Орлика, генеральный писарь был занят составлением письма *"до двору его величества"*. Будничная работа происходила в киевском